

УДК 811.111(075)
ББК 81.2Англ-9
Л13

Дизайн обложки *А. Закопайко*

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Зов Ктулху = The Call of Cthulhu + аудиоприложение / Г.Ф. Лавкрафт; адапт. текста, пер., упр. и словарь С.А. Матвеева. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с. – (Bilingua).

ISBN 978-5-17-116423-2

В данное издание вошли два самых известных страшных рассказа Г.Ф. Лавкрафта: «Зов Ктулху» и «Хребты безумия». Тексты произведений адаптированы и снабжены параллельным переводом на русский язык. Для проверки понимания прочитанного в книге даны упражнения с ответами и англо-русский словарь.

Английские тексты полностью озвучены носителями языка и бесплатно доступны для прослушивания на официальном сайте издательства АСТ в разделе «Читальня».

Пособие адресовано всем, кто изучает английский язык и хочет читать литературу на языке оригинала.

УДК 811.111(075)

ББК 81.2Англ-9

Дорогие друзья!

Как известно, лучший способ учить иностранный язык — это читать художественную литературу. Но чтение должно быть не только полезным, но и увлекательным. Поэтому мы отобрали для вас лучшие произведения мировой литературы. В книгах серии *Bilingua* вы найдёте адаптированные тексты произведений на английском языке с параллельным переводом на русский. В дополнение к текстам даются упражнения на понимание прочитанного с ответами и англо-русский словарь, в котором вы можете уточнить значение конкретного слова.

Все английские тексты озвучены носителями языка и совершенно *бесплатно* доступны для прослушивания на официальном сайте издательства АСТ. Чтобы воспользоваться бесплатным аудиоприложением, необходимо:

- зарегистрироваться в разделе «Читальня» на официальном сайте издательства АСТ (<https://ast.ru/reading-room/>),
- перейти в каталог «Аудиоматериалы»,
- выбрать нужный аудиокурс.

После этого вы сможете совершенно бесплатно прослушивать аудиоприложение онлайн или скачать на своё устройство и использовать без подключения к Интернету.

Желаем успехов!

THE CALL OF CTHULHU

ЗОВ К ТУЛХУ

I.

THE HORROR IN CLAY

The most merciful thing in the world, I think, is the inability of the human mind to correlate all its contents. We live on a placid island of ignorance in the midst of black seas of infinity, and it was not meant that we should voyage far. The sciences have harmed us little; but some day the piecing together of dissociated knowledge will open up such terrifying views of reality, that we'll either go mad from the revelation or flee from the light into the peace and safety of a new dark age.

Theosophists have guessed at the awesome grandeur of the cosmic cycle where our world and human race form transient incidents. Their strange suggestions freeze the blood. Forbidden ages chill me when I think of them and madden me when I dream of them. That glimpse, like all dread glimpses of truth, appeared from an accidental piecing together of separated things: in this case, an old newspaper and the notes of a dead professor. I hope that no one else will make this piecing; certainly, if I live, I shall never add a link in that terrible chain. I think that the professor, too, intended to keep silent, and that he

I.

УЖАС, ВОПЛОЩЁННЫЙ В ГЛИНЕ

Самой милосердной вещью в мире, я думаю, является неспособность человеческого разума связывать воедино всё его содержание. Мы живём на тихом острове невежества посреди чёрных морей бесконечности, и не предполагалось, чтобы мы уплывали от него далеко. Науки причинили нам мало вреда; но однажды соединение отдельных кусков разрозненных знаний откроет такие ужасающие виды действительности, что мы или сойдём с ума от такого откровения, или сбегим от света туда, где тихо и спокойно, – в новое средневековье.

Теософы предположили удивительное великолепие космического цикла, в котором наш мир и человеческая раса составляют лишь временные обитатели. Их странные предположения леденят кровь. Запретные эпохи вызывают во мне дрожь, когда я думаю о них, и раздражают меня, когда я вижу их во сне. Этот проблеск, как и все ужасные проблески истины, возник от случайного соединения воедино разрозненных фрагментов: в данном случае это были старая газета и записки умершего профессора. Я надеюсь, что никто больше не свершит такого соединения; конечно, если я буду жить, то никогда не добавлю ни одного звена к той ужасной цепи. Я думаю, что

was going to destroy his notes but sudden death stopped him.

My first experience began in the winter of 1926-27 with the death of my great-uncle, George Gammell Angell, Professor Emeritus of Semitic Languages in Brown University, Providence, Rhode Island. Professor Angell was widely known as an authority on ancient inscriptions, and the heads of prominent museums had frequently asked him for help; so his death at the age of ninety-two was talked about. Moreover, interest was intensified by the obscurity of the cause of death. The professor had been stricken while he was returning from the Newport boat. He fell suddenly; as witnesses said, after he had been jostled by a nautical-looking negro who had come from one of the queer dark courts on the precipitous hillside which formed a short way from the waterfront to the professor's home in Williams Street. Physicians were unable to find any visible disorder, but concluded after perplexed debate that some obscure lesion of the heart, induced by the brisk ascent of a steep hill by so elderly a man, was responsible for the end. At the time I saw no reason to dissent from this dictum, but latterly I began to doubt.

As my great-uncle's heir and executor, for he died a childless widower, I had to study his papers; and for that purpose I moved his files and boxes to my quarters in Boston. Much of the material will be later published by the American Archaeological Society, but there was one box which I found very puzzling, and which I did not want

профессор также намеревался хранить молчание и собирался уничтожить свои записки, но внезапная смерть остановила его.

Мой первый опыт случился зимой 1926-27 годов со смертью моего двоюродного деда, Джорджа Гэммела Энджелла, заслуженного профессора в отставке, специалиста по семитским языкам в Брауновском университете в Провиденсе, Род-Айленд. Профессор Энджелл был широко известен как специалист по древним письменам, и руководители известных музеев часто обращались к нему за помощью; поэтому его смерть в возрасте девяноста двух лет обсуждалась. Кроме того, интерес усиливался туманной причиной смерти. Смерть настигла профессора, когда он возвращался с ньюпортского парохода. Он внезапно упал, как сообщили свидетели, после того как его толкнул негр, по виду – моряк, который появился из одного подозрительного тёмного двора на крутом склоне, по которому пролегал короткий путь от береговой линии к дому профессора на Уильямс-стрит. Врачи не смогли обнаружить что-либо, выходящее за пределы нормы, но после путаных обсуждений заключили, что смерть наступила вследствие неясного повреждения сердца, вызванного напряжённым подъёмом столь пожилым человеком по крутому холму. В то время я не видел причин возражать такому выводу, но впоследствии я начал сомневаться.

Будучи наследником и душеприказчиком своего двоюродного деда – поскольку он умер бездетным вдовцом, – я должен был изучить его бумаги; и с этой целью я перевёз его папки и ящики к себе в Бостон. Большая часть материала будет позже опубликована Американским археологическим обществом, но был там один ящик, ко-

to show to other eyes. It had been locked and I did not find the key till I examined the personal ring which the professor carried in his pocket. Then, indeed, I opened it, but when I did so I confronted a greater barrier. What was the meaning of the queer clay bas-relief and the disjointed jottings, ramblings, and cuttings which I found? Had my uncle in his latter years become superstitious? I decided to find the eccentric sculptor responsible for this apparent disturbance of an old man's mind.

The bas-relief was a rough rectangle less than an inch thick and about five by six inches in area; obviously of modern origin. Its designs, however, were far from modern in atmosphere and suggestion. And there was writing of some kind; but my memory could not identify it.

Above hieroglyphics was a figure, an impressionistic picture. It was a sort of monster, or symbol representing a monster, of a form which only a diseased fancy could conceive. If I say that my extravagant imagination offered simultaneous pictures of an octopus, a dragon, and a human caricature, I can present the spirit of it. A pulpy, tentacled head surmounted a grotesque and scaly body with rudimentary wings; and the general outline of the whole monster made it most shockingly frightful. Behind the figure was a vague Cyclopean architectural background.

торый показался мне весьма загадочным и который я не хотел показывать другим. Он был заперт, и я не мог найти ключа, пока не осмотрел личную связку, которую профессор носил в кармане. Тогда, наконец, я открыл ящик, но, сделав это, я наткнулся на ещё большее препятствие. Что означали странный глиняный барельеф и найденные мною разрозненные записки и вырезки? Неужели мой дядя стал в последние годы суеверным? Я решил найти чудаковатого скульптора, ответственного за это очевидное помутнение ума старика.

Барельеф представлял собой неправильный четырёхугольник толщиной менее дюйма и площадью приблизительно пять на шесть дюймов; он явно имел современное происхождение. Однако его вид по духу и по замыслу был далёк от современности. И там присутствовали также письмена; но моя память не могла их идентифицировать.

Над иероглифами была фигура, некая импрессионистская картина. Это было своего рода чудовище, или символ, представляющий чудовище: такое могло породить только больное воображение. Если я скажу, что моё экстравагантное воображение предложило мне одновременно образы осьминога, дракона и карикатуры на человека, то я смогу передать дух этой картины. Мясистая, снабженная щупальцами голова венчала гротескное чешуйчатое тело с недоразвитыми крыльями; и общий контур этого чудовища делал его столь отвратительно пугающим. Позади фигуры виднелись фоновые циклопические строения.

The writing was made by Professor Angell's most recent hand; and made no pretense to literary style. The main document was headed "CTHULHU CULT" in characters painstakingly printed to avoid the erroneous reading of an unknown word. This manuscript was divided into two sections, the first of which was headed "1925 — Dream and Dream Work of H.A. Wilcox, 7 Thomas St., Providence, R. I.," and the second, "Narrative of Inspector John R. Legrasse, 121 Bienville St., New Orleans, La., at 1908 A. A. S. Mtg.—Notes on Same, & Prof. Webb's Acct." The other manuscript papers were brief notes, some of them were the queer dreams of different persons, some of them were citations from theosophical books and magazines (notably W. Scott-Elliot's *Atlantis and the Lost Lemuria*), and the rest comments on long-surviving secret societies and hidden cults, with references to passages in such mythological and anthropological source-books as Frazer's *Golden Bough* and Miss Murray's *Witch-Cult in Western Europe*. The articles were mainly about mental illness and outbreaks of group folly or mania in the spring of 1925.

The first half of the principal manuscript told a very interesting tale. On March 1st, 1925, a thin, dark young man of neurotic and excited aspect came to Professor Angell bearing the singular clay bas-relief, which was then exceedingly damp and fresh. His card bore the name of Henry Anthony Wilcox, and my uncle had recognized him as the youngest son of an excellent family slightly known to him, who was studying sculpture at the Rhode Island School of

Записки были сделаны рукой профессора Энджелла совсем недавно и не претендовали на какой-либо литературный стиль. Основной документ был озаглавлен тщательно выписанными буквами «КУЛЬТ КТУЛХУ», чтобы избежать ошибочного прочтения неизвестного слова. Эта рукопись была поделена на две части, первая из которых была озаглавлена «1925 – Сны и сновидческое творчество Г. Э. Уилкокса, Томас-стрит 7, Провиденс, Р. А.», а вторая – «Рассказ инспектора Джона Р. Леграсса, Бьенвиль-стрит 121, Новый Орлеан, на собрании А. А. О. – заметки о том же + сообщение профессора Уэбба». Остальные бумаги были краткими записями, некоторые из них представляли странные сны различных людей, некоторые содержали цитаты из теософических книг и журналов (особенно из книги У. Скотт-Эллиота «Атлантида и исчезнувшая Лемурия»), а прочие были комментариями о действующих и поныне тайных обществах и скрытых культах, со ссылками на цитаты из таких мифологических и антропологических источников, как книги Фрэзера «Золотая ветвь» и мисс Мюррей «Культе ведьм в Западной Европе». Статьи были, главным образом, об умственных расстройствах и вспышках группового помешательства или мании весной 1925-го года.

Первая половина основной рукописи содержала очень интересный рассказ. 1-го марта 1925-го года к профессору Энджеллу явился худой темноволосый взволнованный молодой человек. Он принёс с собой глиняный барельеф, который был тогда ещё свежим и влажным. На карточке значилось его имя – Генри Энтони Уилкоккс, и мой дядя признал в нём младшего сына одного благородного семейства, немного ему известного. Юноша изучал

Design and living alone at the Fleur-de-Lys Building near that institution. Wilcox was a precocious young genius with great eccentricity, and had from childhood excited attention through the strange stories and odd dreams. He had the habit of relating them. He called himself “psychically hypersensitive”, but the people of the ancient commercial city treated him as merely “queer.” He had dropped gradually from social visibility, and was now known only to a small group of esthetes from other towns. Even the Providence Art Club, which was trying to preserve its conservatism, had found him quite hopeless.

So, as the professor’s manuscript told, the sculptor abruptly asked to help him identify the hieroglyphics of the bas-relief. He spoke in a dreamy, stilted manner which suggested pose and alienated sympathy; and my uncle showed some sharpness in replying, for the conspicuous freshness of the tablet did not show any relation to archaeology. Young Wilcox’s rejoinder, which impressed my uncle, was of a fantastically poetic nature. He said, “It is new, indeed, for I made it last night in a dream of strange cities; and dreams are older than brooding Tyre, or the contemplative Sphinx, or garden-girdled Babylon.”

Then he began his rambling tale which suddenly won the fevered interest of my uncle. There had been a slight earthquake tremor the night before, the most considerable

скульптуру в Художественной школе Род-Айленда и жил один в особняке Флёр-де-Лис, около места своей учёбы. Уилкоккс был не по годам развитым, весьма эксцентричным молодым гением и с раннего детства выказывал живой интерес к странным историям и непонятным снам-видениям. У него была привычка их рассказывать. Он называл себя «психически сверхчувствительным», но жители старого коммерческого городка считали его просто «чудаком». Он постепенно стал пропадать из поля зрения общества и был теперь известен только небольшой группе эстетов из других городов. Даже Клуб любителей искусства в Провиденсе, который пытался сохранить свой консерватизм, считал его почти безнадежным.

Итак, как сообщала рукопись профессора, скульптор сразу попросил помочь ему идентифицировать иероглифы на барельефе. Он говорил в мечтательной, высокопарной манере, которая предполагала позёрство и не вызывала симпатии; и мой дядя ответил ему достаточно резко, потому что подозрительная свежесть артефакта показывала, что он не имеет никакого отношения к археологии. Возражение молодого Уилкоккса, произведшее на моего дядю впечатление, носило фантастически поэтический характер. Он сказал: «Действительно, он совсем новый, поскольку я изготовил его вчера ночью во сне, когда мне снились странные города; а сны древнее мечтательного Тира, созерцательного Сфинкса или окружённого садами Вавилона».

Потом он начал свой хаотичный рассказ, который внезапно вызвал жгучий интерес моего дяди. Прошлой ночью случилось небольшое землетрясение, наибо-